

МАССОВЫЙ ГРАЖДАНИН И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК В РОССИИ

Фан И. Б.

доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного управления и политических технологий Уральского института управления – филиала, ведущий научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16, Irina-fan@yandex.ru

УДК 321.65(470)
ББК 66.033.1

Целью статьи является исследование полноты осуществления формально-юридического статуса массового гражданина, что требует анализа политического порядка в современной России.

Методология. Концептуальные рамки исследования образуют теории модернизации и демократического транзита. Методологический подход автора основан на синтезе методов неoinституционализма, социального конструирования реальности и культурной антропологии. На основе теоретической модели гражданина, сконструированной автором, анализируются основные политические и правовые институты как механизмы реализации конституционного статуса гражданина РФ, а также политическая и правовая культура населения и элиты.

Результаты. Политический порядок в России пронизывает противоречие между формальными нормами внешне современных политических институтов и неформальными практиками их функционирования. Принцип разделения властей не реализуется в полной мере; реформы (административная, правовой системы и т.д.) завершились монополизацией всех государственных функций президентской властью. Конституционный суд РФ утратил роль высшего органа конституционного контроля и основного защитника прав и свобод граждан. Ограничения политических прав граждан происходят и на законодательном уровне, и на уровне механизмов контроля над исполнительной властью – парламента, оппозиции, свободных СМИ, гражданского общества, органов местного самоуправления. Ограничены условия для политической конкуренции. Социологические данные показывают низкий уровень участия граждан в принятии политических решений и деятельности общественно-политических объединений.

Научная новизна. Погружение авторской теоретической модели гражданина в контекст российского политического порядка и культуры показало следующее. Массовый гражданин не является субъектом политического участия, он отчужден от политики. Принципы правового государства реализуются избирательно. В России отсутствует универсальный политический и правовой статус гражданина. Проблема определения действительного характера отношений между гражданином и государством в России требует критического осмысления парадигмы транзита и поиска новых методологических подходов. В качестве одного из возможных подходов автор рассматривает концепцию неофеодализма.

Ключевые слова: гражданин; политический порядок; политические институты; модернизация; парадигма демократического транзита; политическое участие; политическая культура; неофеодализм; неопатримониализм.

MASS CITIZEN AND POLITICAL ORDER IN RUSSIA

Fan I. B.

Doctor of Sientests (Politishin), assistant professor, head of senior researcher, Institute of Philosophy and Law Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Russia), 66, 8 Marta St., Yekaterinburg, Russia, 620990, 16, S. Kovalevskaya Str., Yekaterinburg, Russia, 620990, Irina-fan@yandex.ru

Purpose. The aim of the article is to study the problem of completeness of the legal status of a mass citizen, which requires to analyze the political order of modern Russia. Theories of modernization and democratic transit form paradigmatic framework of the research.

Methodology. The author's methodological approach is based on the synthesis of methods of neoinstitutionalism, social construction of reality and cultural anthropology. Based on theoretical model of the citizen, designed by the author, the main political and legal institutions are analyzed as mechanisms for implementing the constitutional status of a citizen in Russian Federation, as well as political and legal culture of the population and the elite.

Results. The author obtained the following conclusions and results. The political order in today's Russia has contradiction between the formal norms of outwardly modern political institutions and informal practices of their functioning. The principle of separation of powers is not fully realized; reforms (administrative, reforms of the legal system, etc.) are completed with the process of monopolizing all state functions by presidential power. The Constitutional Court in Russian Federation has lost the role of the supreme executor of constitutional control and the main defender of the rights and freedoms of citizens. Limitations of the citizens' political rights occur both at the legislative level and at the level of mechanisms of control over the executive power – parliament, opposition, free media, civil society, local self-government bodies. The possibilities for political competition are decreased. Sociological data show a low level of citizens' participation in the adoption of political decisions and the activities of socio-political associations.

Science novelty. A mass citizen is alienated from politics, he does not act as a subject of political participation. The results of the reform of the legal system in Russia show that the principles of law state – the rule of law and the equality of citizens before the law – are implemented selectively. There is no universal political and legal status of a citizen in Russia. The problem of determining the actual relationship between a citizen and the state in Russia requires a critical understanding of the transit paradigm and the identification of new methodological approaches. The author considers the concept of neo-feudalism as one of the possible ones.

Key words: citizen, political order, political institutions, modernization, political participation, political culture, the paradigm of democratic transit, neofeudalism, neopatrimonialism.

Представление о гражданине, характерное для Модерна, включает два аспекта его существования: в качестве объекта государства – подданного, пассивного члена политического сообщества, и в качестве политического актора, обладающего полноправным членством, конституционными правами участия в управлении государством. Современная концепция гражданства и гражданина формировалась на основе идей Т. Маршалла, который анализировал влияние концепции прав гражданина на структуру социального неравенства [1; 1973]. Эволюция института гражданства в западноевропейских странах на протяжении XIX - XX веков шла под воздействием двух противоречивых процессов: расширения объема прав индивидов, признаваемых гражданами, и распространения гражданства на новые категории населения (низшие классы, женщин). Т. Маршалл представил анализ первого процесса через динамику трех компонентов гражданства – собственно «гражданского» (civic – основные личные права и свободы), политического (право голоса и участие в принятии политических решений) и социального (права на безопасность и социальную поддержку) [2, с. 83]. Первоначально эти компоненты гражданства были обособлены, но в XX в. все три группы прав были объединены в единый гражданский статус. Гражданство стало уравнивающим механизмом, сглаживающим противоречия, вызванные неравенством, связанным со становлением капиталистических отношений и системы представительной демократии.

В 1980–90-е годы развернулась дискуссия среди последователей и критиков концепции Т. Маршалла, исследующих те или иные аспекты проблемы в связи с трансформацией модели национального гражданства под влиянием транснационализации, глобализации и локализации [3], [4], [5], [6], [7], [8]. Обсуждалось соотношение феноменов и понятий нации, гражданства, национальной идентичности, национализма [9], [10], [11], [12]. Анализируя режимы гражданства разных стран, эти авторы развивали представления о гражданстве, о специфическом соотношении трех групп прав в структуре гражданства в зависимости от политического контекста. Представители отечественной политической науки, принявшие участие в данной дискуссии, акцентировали внимание на проблеме специфики эволюции гражданства в европейских и российских условиях, анализе концептуальных основ современного гражданства [13], на понятиях политической культуры [14], корпоративного гражданства [15] и других. Одним из участников обсуждения стал Б. Г. Капустин, сторонник нормативно-ценностного подхода. Он видел главную проблему не в эволюции государственного института гражданства, а в становлении гражданина как члена гражданского общества. Последнее он рассматривал в качестве «формы производства политической субъектности» [16, с. 140] и концентрировал внимание на субъективной стороне гражданства, понимая его как гражданственность.

Мы восприняли дискуссию о гражданстве как необходимость осмысления выявленных противоречий

и задачу интеграции основных аспектов феномена гражданина. На основе анализа типологических черт западноевропейского гражданина эпохи Модерна нами была создана теоретическая модель гражданина [17]. Методология конструирования данной модели строится на основе синтеза методов социального конструирования реальности, структурного функционализма, неоинституционализма, культурной антропологии, семиотики и других подходов. Структура модели включает институциональное, ценностное и личностное измерения, которые конкретизируются с помощью структурно-семантического каталога бинарных оппозиций. Диапазон значений первых двух измерений определяется полюсами следующих бинарных оппозиций: *свои/ чужие, эгалитарное/ элитарное, публичное/ частное, вовлечение/ исключение, участие/ неучастие* и других. Развитие личности в обществе является условием исполнения массовым индивидом роли гражданина, поскольку лишь личность способна выступать в качестве медиатора бинарных оппозиций, обозначающих противоречия реального бытия человека. Опираясь на одно из ранее разработанных определений [18, с. 71], мы предложили понимание феномена гражданина как социокультурной роли правоспособной личности, члена гражданского общества и национального государства, роли субъекта прав и обязанностей, требуемой индивидом и предписываемой ему культурой и политической системой конкретного государства в целях достижения общего блага гражданской нации. Роль гражданина включает набор функций, связанных с необходимостью участия личности в воспроизводстве и изменении социальных и политических институтов и их ценностных основ.

Проблему полноты реализации формального статуса гражданина в условиях наличного политического порядка в России можно анализировать с разных позиций. С точки зрения доминирующего официального дискурса и формально-юридического подхода в России установлен институт гражданства, следовательно, все лица, которых по закону о гражданстве можно признать гражданами, таковыми и являются. Но если задаться вопросом о возможности реализовать роль гражданина в России для массы населения, то картина будет иной. В законе «О гражданстве РФ» гражданство определяется как «устойчивая правовая связь человека с государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав, обязанностей и ответственности, основанная на признании и уважении достоинства, основных прав и свобод гражданина» [19]. Чтобы ответить на вопрос о реальном политическом и правовом статусе индивида в нашем государстве, необходимо установить степень, условия и факторы реализации: а) основных прав и свобод гражданина, б) устойчивости связи личности с государством, в) наличие (или отсутствие) правового

характера этой связи, г) взаимности в выполнении обязанностей (прав), д) эквивалентности в ответственности сторон. Сложнее всего установить характер связи индивида и государства, поскольку понадобится исследование эффективности функционирования политической и правовой систем.

Институт гражданства выполняет двоякую функцию: выступает в качестве 1) элемента основ конституционного строя, образуя общность граждан государства как источник государственного суверенитета и 2) основ правового положения человека и гражданина. При этом первое является условием реализации второго. Гражданство как субинститут регулируется нормами международного и внутригосударственного права: конституционным, административным, семейным, гражданским и другими отраслями права [20, с. 87]. Содержание гражданства представляет собой систему прав и обязанностей гражданина и государства. Реализация вытекающих из гражданства прав является комплексным критерием эффективности государства и зависит от следующих институциональных условий в государстве: государственного суверенитета, территориального устройства государства, правового положения личности.

Анализ факторов и механизмов реализации политических и частных прав номинального гражданина показывает следующее. Нынешний политический порядок в России пронизывает противоречие между формальными нормами внешне современных политических институтов и неформальными практиками их функционирования. Конституционализм в России почти отсутствует: конституционный статус гражданина ограничен писаным законом, конституция РФ не существует в виде действующего права как системы соблюдаемых сторонами обязательств. Разделения властей не произошло; реформы (административная, правовой системы и т.д.) завершились не формированием независимых судебной и законодательной власти, а монополизацией всех государственных функций президентской властью. В результате политической борьбы, ведущейся с возникновения Конституционного суда РФ и на протяжении двадцати пяти лет его существования, произошло ограничение его роли и функций в политико-правовой системе государства и чрезмерное возвышение президентской власти над всеми другими ветвями [21, с. 73]. В результате многочисленных законодательных и иных изменений КС утратил роль высшего органа конституционного контроля и основного защитника прав и свобод граждан.

Действующих механизмов контроля гражданского общества над исполнительной властью и, особенно, над силовыми структурами, устанавливающих ответственность должностных лиц и органов власти за нарушения прав граждан, так и не было создано. Можно ли

считать таким видом ответственности, например, отрешение Президентом РФ губернатора от должности? Основанием для отрешения от должности высшего должностного лица субъекта РФ по инициативе главы государства считается утрата доверия Президента РФ. Однако ряд юристов считает, что недоверие – это весьма субъективная моральная категория. «...отрешение от должности высшего должностного лица субъекта РФ, эволюционировала по воле главы государства из института конституционно-правовой ответственности в меру политической ответственности, применяемой исключительно по усмотрению Президента РФ» [22, с. 102]. Применение данной меры ведет к нарушению конституционных принципов федерализма, народовластия, разделения и независимости властей. Оно может рассматриваться как необоснованное вторжение в компетенцию субъектов РФ по формированию органов государственной власти, вызванное концентрацией правоприменительных полномочий у Президента РФ.

Ограничения политических прав граждан происходят уже на законодательном уровне. В результате политики последних лет, нормы функционирования механизмов контроля над исполнительной властью – парламента, оппозиции, СМИ, гражданского общества, органов местного самоуправления, были существенно изменены в сторону ослабления. Законы, принятые в 2000–2010-е годы по инициативе администрации Президента, нанесли удар по институтам, ограничивающим его власть и гарантирующим соблюдение прав (власти) граждан. Следствием процесса централизации власти на уровне законодательства и в практиках государственного управления стало сворачивание принципов федерализма и территориального самоуправления, уничтожение самостоятельности регионов. Фактически окончательно перераспределена власть от субъектов РФ к администрации Президента. Сужены условия для политической конкуренции: реальная оппозиция не представлена в Государственной Думе, участие независимых кандидатов в депутаты в политической жизни стало невозможным. Чтобы понять совокупный эффект от всех этих мер, достаточно ознакомиться с многократно вносимыми поправками и применением таких законов, как «О назначении губернаторов» (2004), «О политических партиях» (2001), «Об общественных объединениях» (1995), «Об Общественной Палате» (2005), «О противодействии терроризму» (2006). В новой редакции Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» (2016) содержатся ограничения свободы мысли и слова, политической конкуренции, основополагающих принципов избирательного права – всеобщности, равенства, свободы, тайны голосования, прямого характера голосования и разумной периодичности выборов. Тщательно проанализировав

законодательные и иные механизмы и способы концентрации властных ресурсов, А. А. Кондрашев характеризует российский государственный режим как антидемократический и авторитарный. Политический порядок в России характеризуют следующие черты: гипертрофия личной власти главы государства, наделенного чрезмерными полномочиями, ставящими его над исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти, а также над всеми сферами общества, начиная с экономики – посредством контроля над руководством государственными корпорациями РФ; привилегии доминирующей партии; «огосударственные» СМИ; тотальный контроль за гражданским обществом; отсутствие обратной связи с населением и другие [23, с. 23, 26, 27].

Низка эффективность политических институтов, ответственных за реализацию политических и иных прав граждан. Данные социологических центров за многие годы показывают, что возможность «влиять на принятие государственных решений в стране» в середине 2000 годов видели только 15% опрошенных, 82% – не видели [24, с. 12]. В 2014 году две трети респондентов хотели бы влиять на политику страны, но реально участвует в деятельности тех или иных политических объединений только 16% мужчин и около 8% женщин [25, с. 252]. По поводу политического участия большинство граждан пессимистично. Основой всего комплекса установок российских граждан в отношении к деятельности органов власти и политике является социально-политическое и моральное отчуждение.

Является ли массовый гражданин своим среди целой нации, если он принадлежит к тому или иному меньшинству или если он не принадлежит к элите? О наличии единой российской нации и, тем более, гражданской, ведутся серьезные споры [26, с. 64]. Российское население представляет собой множество, разделенное на социальные ниши, кланы, семьи, группы, в каждой из которых – разные основания деления на своих и чужих. Государственная власть способствует поляризации общества, делению его на инсайдеров – «политический класс», «элиту», и аутсайдеров – подавляющее большинство населения [27, с. 55–65]. Массовый гражданин в нынешней России – безусловный аутсайдер.

С этим связано и специфически российское решение оппозиций *эгалитарное/элитарное и господство/подчинение*. Не работают институты и механизмы осуществления абстрактного юридического равенства между большинством населения и элитами. В российской политической системе элитарность преобладает над эгалитарностью – «элита» господствует над массой и экономически, и политически, и посредством действующего права. Установка элиты на сохранение власти любой ценой порождает непрозрачность власти,

стремление ликвидировать любые законодательные и фактические возможности открытой ротации управленческих кадров, доступа аутсайдерам к власти. Нынешняя политическая система *исключает* рядового гражданина из публичного обсуждения и принятия политических решений (законов), лишает доступа к распределению ресурсов и реализации прав и обязанностей, поощряя *неучастие* граждан в политике. Возможно ли в России достижение справедливости, правового равенства (*эгалитарного*)? Результаты реформы правовой системы в России, состояние правоохранительной и судебной систем, отношение россиян к суду, возможности судебной защиты прав граждан и соблюдения требования равенства сторон в судебном процессе показывают, что принципы верховенства права и равенства граждан перед законом почти не реализуются. Правом на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство обладает все население России. Позволяя восстановить уже нарушенные права, оно является гарантией осуществления всего спектра гражданских и политических прав со стороны правовой системы, особенно, судебной. Осуществление этого права предусматривает реальный доступ гражданина (и человека) к правосудию, а его массовое нарушение подрывает доверие населения к судебной власти и государству. По данным докладов Уполномоченного по правам человека, массовый характер носят жалобы на нарушение права на справедливое судебное разбирательство, отсутствие справедливой процедуры для всех участников судебного процесса, отсутствие беспристрастности правосудия (суда) и независимости судей [28]. Об отсутствии независимости судебной системы от исполнительной власти свидетельствует множество фактов и исследований [29, с. 285]. Анализ докладов Уполномоченного по правам человека за несколько лет и публикаций СМИ показывает: у граждан РФ массово нарушаются и политические права, и частногражданские, и права человека. Это означает, что в России отсутствует универсальный, единый для всех социальных слоев формально-правовой статус гражданина. Принцип равенства перед законом не действует в отношении должностных лиц. «Средний» индивид не идентифицирует себя в качестве гражданина, субъекта гражданского общества и правового государства. Противоречие между номинальным статусом гражданина (основного производителя, потребителя, налогоплательщика, избирателя) и реальным положением лица, беззащитного перед давлением правоохранительных, налоговых и иных органов государства, пронизывает жизнь и ментальность обывателя.

Ментальное измерение феномена гражданина составляет совокупность социокультурных условий и возможностей, в числе которых правовая и политическая культура населения и элиты. Исследования

показывают, что массовое сознание пронизывает недоверие к деятельности любых органов государственной власти, отсутствие надежды на повышение их эффективности и правовой защищенности граждан в будущем. Выявляется весьма низкий уровень правового сознания (60–80% мало знают о правах...), правовой релятивизм в понимании таких ценностей, как равенство перед законом, свобода, справедливость, закон, право и т.д. Несмотря на четверть века с начала судебной реформы, «большинство населения воспринимает себя не в качестве граждан, являющихся полноправной стороной в судебных спорах с представителями государства и его институтов, а по-прежнему как подданных этого государства» [30, с. 64].

Изучение политической культуры дает нам еще и картину публичной и частной жизни российского гражданина, выражаемой оппозицией *частное/публичное*. Населению присущ политический релятивизм, инструментальное отношение к политике как способу решения личных проблем (для элиты), пессимизм в оценке возможности влияния рядового гражданина на политику. Причины плачевного состояния публичной сферы обусловлены фрагментарностью социальной структуры общества, порождающей «партикулярностную гражданственность» и препятствующей формированию универсальных норм взаимодействия. Политика как коллективная возможность коммуникации и согласования интересов остается невостребованной. Отсутствует институционализированная публичность, гомогенность замкнутых групп исключает встречу с иным мнением и даже наблюдение за социальным опытом Другого [31, с. 77]. Т. В. Павлова пишет: «... в России не формируется ... дифференцированная сфера политики, понимаемая как сфера артикуляции и согласования интересов и ценностей различных общественных групп через посредство партий, движений и других организаций...» [32, с. 114]. Граждане отчуждены от политики, поскольку государство регулярно применяет технологии политической эксклюзии [33, с. 67–82]. Гражданская культура присуща лишь малой части населения. Частная жизнь массового гражданина (частная собственность, личная свобода и неприкосновенность, безопасность) также не защищена от вмешательства государства. Исторически в России существовала система власти, покровительствующей подданным в обмен на их преданность, не ограниченная правом. В нынешних условиях действует инерция сохранения односторонней зависимости российского населения от верховной и региональной власти, проявляющейся в отсутствии разграничения приватного и публичного.

Все признаки, выраженные бинарными оппозициями модели гражданина, показывают, что отношение к россиянам понятие «гражданин» можно лишь

Фан И. Б.

номинально. Напрашивается вывод о том, что в России слабо реализуется проект политической и иной модернизации, так как институты государства функционируют, по преимуществу, в качестве системы отстранения массового гражданина от участия в определении целей государственной политики и управления, а граждане не становятся значимыми субъектами политики. При этом существуют институты гражданского общества, которые ведут достаточно активную деятельность по защите тех или иных прав населения. Однако деятельность общественных объединений, хотя бы косвенно связанная с политикой, критикой деятельности органов государственной власти и должностных лиц, разными способами подавляется. На наш взгляд, в России зависимость гражданского общества от государства лишь усиливается. У нас не происходит не только «превращения буржуа в граждан», не формируется «политическое гражданское общество как форма производства политической гражданственности» [34, с. 142], но законсервирован процесс формирования буржуа – среднего класса, массового «частного человека» как носителя базовых гражданских прав.

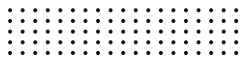
Методология исследования, приведшая к данным выводам, основывалась на соотнесении нормативных концепций демократического транзита и реального положения отдельного россиянина, определяемого степенью реализации его политических и иных прав и свобод. Она нуждается в развитии для более адекватного отражения специфики политической реальности в России. В последнее двадцатилетие нарастает критическое осмысление парадигмы транзита, внимание исследователей направляется на анализ реального политического порядка в посткоммунистических и иных странах, уже не представляющегося «переходным». Это требует корректировки методологии исследования с учетом неслучайного характера политического порядка в этих странах, того, что «естественные государства не больны», у них есть собственная логика эволюции и способность исполнить функции поддержания стабильности и порядка [35, с. 445–446]. Нужно признать, что «западные институты не могут быть просто пересажены в развивающиеся страны», и попытаться найти объяснение того, «почему сама динамика естественных государств (к которым относятся и Россия, и ряд бывших республик СССР, – И.Ф.) препятствует институтам открытого доступа или же перестраивает их под себя» [35, с. 449]. Это требует отказа от телеологии и жесткой обязательной логики поэтапного «перехода», свойственной парадигме транзита, и учета «специфического институционального наследия предшествующих режимов» [36, с. 58]. Необходимо осознать имеющиеся в ряде стран препятствия на пути демократизации: чрезмерную концентрацию экономического могущества в руках правящей группировки,

отсутствие границы между правящей партией и государством, скрытое, но целенаправленное сопротивление правящей группы и государственного аппарата реальной демократизации социальных и политических отношений [36, с. 52, 59].

Исследователи фиксировали расхождения между реальностью, складывающейся в посткоммунистических государствах и положениями парадигмы транзита. Однако инерция в теории и методологии сказывалась на представлениях о политической ситуации. В отечественных социальных науках существуют разные подходы к определению характера нынешнего политического порядка в России. Интересным представляется, например, исторический анализ взаимосвязи динамики и функционирования инфраструктуры власти в России, включая мобилизационную модель управления, и особенностей развития государства [37].

Наиболее перспективной, по нашему мнению, является концепция неофеодализма (неопатримониализма). Она «позволяет объединить в систему разрозненные концепции, характеризующие те или иные особенности современной российской политики... Это такие концепты, как неформальные институты, клиентелизм, ресурсно-распределительная система, клановость, непотизм и пр.» [38, с. 212]. Данная парадигма позволяет исследовать сосуществование архаических, современных и постмодерных явлений, отношений, процессов, которое в рамках транзитологии объяснить было невозможно. Концепция неофеодализма, основы которой заложены в ряде исследований [39], отталкивается от тезиса о тождестве власти и собственности и характеризует политический порядок в России как неопатримониальный. Открывается возможность понять генезис и особенности политической системы в постсоветской России и характер отношений между индивидом и государством. А. Фисун выделяет следующие характеристики неопатримониальной модели государства: формирование класса рентоориентированных политических предпринимателей, использующих политические возможности слияния власти и собственности; частное использование государственно-административных ресурсов (силовых и фискальных структур), которые применяются для подавления политического сопротивления и устранения экономических конкурентов; ключевая роль клиентарно-патронажных отношений и связей в экономике и политике [40, с. 83]. Направленность к архаике как еще одну черту данного порядка отмечает Л. Г. Фишман: «У нас сырьевой авторитаризм, авторитаризм без развития, в рамках которого элиты, равно как и все общество, достигли негативного консенсуса, отрицающего саму идею модернизации» [41, с. 197].

Модерные политические институты в современном российском политическом порядке составляют

Фан И. Б.

периферию, ядро же властно-политической организации российского общества образует «рентно-сословный политический порядок» [42, с. 81]. В числе этих институтов – институт гражданства, конституционный статус гражданина, как и их ценностная основа – гражданская политическая культура. Следовательно, исследуя несоблюдение российским государством политических и иных прав гражданина, мы подвергаем критическому анализу находящиеся на периферии данной организации формы, имеющие имитирующий характер, но ядра этой властной организации не затрагиваем.

С точки зрения концепции конфеодализма основной социальной структуры российского общества является объем доступа, роль и статус той или иной группы населения в механизмах рентного политического порядка и распределении ресурсов. Это фундамент образования сословий в российском обществе. Взяв за основу способ получения ренты от государства, с. Кордонский выделил следующие сословия в российском обществе: 1. служилые сословия (власть) – политические элиты, государственные и муниципальные служащие, силовики; 2. рентозависимое большинство (народ) – бюджетники, пенсионеры, сотрудники естественных монополий; 3. предприниматели (самозанятое население); 4. маргиналы [43]. Первая группа составляет около 5% населения, вторая – 65%, третья – 15%, четвертая – 15%.

С учетом оптики концепции конфеодализма некоторые элементы нашей модели гражданина, например, бинарные оппозиции, выглядят иначе. Появляется возможность объяснить, в частности, причины наличного соотношения публичного и частного. «Специфической особенностью патримониализма является апроприация (присвоение) сферы управления официальными носителями политической власти, а также нерасчлененность публично-политической и частной, приватной сферы социума, в результате чего государство управляется как частное владение («вотчина») правящих групп, которые на основе системы власти-собственности приватизируют различные общественные функции и государственные институты» [40, с. 9–10]. Еще одной чертой российского политического порядка является сохранение им имперской структуры: «Внутренняя империя (властный аппарат, высшее сословие, партия власти, олигархи номенклатура и т.д.) является ядром, транслирующим свои интересы и управленческие импульсы на периферию (народ) с помощью нарративов государственных интересов, патриотизма, модернизации и т.д.» [42, с. 87]. В имперских обществах, связанных с патримониальными режимами, распределение ресурсов и принятие политических решений осуществлялось по центр-периферийной модели. Периферия самостоятельно не распоряжалась собственными ресурсами и не определяла стратегию своего развития.

В нынешней России связь индивида и государства носит иной по сравнению с модерным институтом гражданства характер. Эта связь не двусторонняя, не политико-правовая, а ассиметричная, патрон-клиентская. Это обусловлено разным характером отношений в «ядре» политического и экономического порядка и на «периферии». Политико-правовой статус массового индивида определяется тем, что граждане не рассматриваются государством в качестве основного экономического ресурса, но формально юридически вынужденно считаются политическим ресурсом и источником легитимности власти. В сырьевом комплексе страны как источнике ренты занято всего 1,5% населения. Большинство населения для ресурсного государства является лишним. Формальное гражданство в России не смягчает ни экономического, ни социального неравенства, порождаемого чрезвычайно высокой поляризацией в обществе. Развитие человеческого потенциала противоречит логике сословного ресурсного государства. Таким образом, статус гражданина как субъекта политического участия в принятии и исполнении государственных решений, в том числе по распределению общественных доходов не функционален для российского государства. Поэтому данный статус и не становится универсальным, в правовом отношении равным для всех. Реальный статус индивида определяется наследием имперского принципа *господства/подчинения*, по сути подданства, влиянием новой сословности и внешними элементами современного гражданства. Он обусловлен двумя рядами противоречий: между «оболочкой» и «ядром» политического порядка, то есть между формально-декларативным его статусом и реальным положением в системе патримониальных отношений, но еще и между статусом граждан, относящихся к патронам, определяющим функционирование ядра патримониальных отношений и статусом граждан, относящихся к клиентам, находящихся на периферии. Более того, неравенство в статусах, а, следовательно, и правовая и социальная иерархия граждан, возникает еще и между клиентами «ядра» и периферии. Но проверка данной гипотезы требует дальнейших исследований. Условия существования российского гражданина и функционирование института гражданства показывают существенные расхождения с эволюцией европейского гражданства.

Литература:

1. Marshall T. H. Class, citizenship, and social development. Westport: Greenwood press. 1973. 334 p.
2. Marshall T. H. Citizenship and Social Class and Other. Cambridge: Cambridge univ. press. 1950. 154 p.
3. Alexander J. Civil Society I, II, III: Constructing an Empirical Concept from Normative Controversies and

- Historical Transformations. – Real Civil Societies: Dilemmas of Institutionalization / ed. by J. Alexander. London. 1998. Pp. 1–19.
4. Barbalet J. M. Citizenship: rights, struggle, and class inequality. Minneapolis: University of Minnesota press. 1988. 119 p.
 5. Bendix R. Nation-building and citizenship: studies of our changing social order. New Brunswick: Transaction Publishers. 1996. 455 p.
 6. Riedel M. Buerger, Staatsbuerger, Buerkertum. – Geschichtliche grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Bd. 2. Stuttgart: Ernst Klett Verlag. 1972–1995.
 7. Somers M. R. Narrating and Naturalizing Civil Society and Citizenship Theory: The Place of Political Culture and the Public Sphere. Sociol. Theory. 1995. Vol. 13. №3. Pp. 229–274.
 8. Turner B. S. Citizenship and Capitalism: the Debate over Reformism. London: Allen and Unwin. 1986.
 9. Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность. Демократия. Разум. Нравственность: Московские лекции и интервью. М. 1995. С. 211–213.
 10. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 635 с.
 11. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя. 1998. 306 с.
 12. Хьюбер Дж. Д. Два взгляда либеральной демократии на конгруэнтность граждан и политиков // Теория и практика демократии: Избр. тексты / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева, Б. Г. Капустина. М. 2006. С. 281–290.
 13. Межуев Б. В. Постколониальный переход и «транснационализация» гражданства // Политические исследования. 2004. №5. С. 19–27.
 14. Малинова О. Ю. Гражданство и политизация культурных различий. Размышления по поводу некоторых тенденций в англоязычной политической философии // Политические исследования. 2004. №5. С. 7–17.
 15. Перегудов С. П. Транснациональные корпорации на пути к корпоративному гражданству // Политические исследования. 2004. №3. С. 95–103.
 16. Капустин Б. Г. Гражданство и гражданское общество. М.: Издат. дом Гос. ун-та – Высш. шк. Экономики. 2011. 224с.
 17. Фан И. Б. Теоретическая модель феномена гражданства: социокультурный подход // Политические исследования. 2010. №6. С. 149–161.
 18. Бачинин В. А., Сальников В. П. Философия права: Краткий словарь. СПб.: Лань, 2000. С. 71–72.
 19. О гражданстве Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. №62-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 20. Российское гражданство / под ред. Кикоть В. Я. М.: Закон и право; ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 272 с.
 21. Шейнис В. Л. Конституционный суд в перипетиях российской истории // Политические исследования. 2016. №3. С. 73–91.
 22. Кондрашев А. А. Конституционно-правовая ответственность высших должностных лиц субъектов РФ: конституционно-правовые аспекты и вопросы реализации в законодательстве // Правоведение. 2012. №6. С. 92–105.
 23. Кондрашев А. А. Особенности современного формирования политической системы России в контексте характеристики государственного режима // Конституционное и муниципальное право. 2012. №5. С. 21–32.
 24. Левада Ю. Общественное мнение в политическом зеркале // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2006. №2 (82). С. 8–17.
 25. Массовая политика: институциональные основания / под ред. С. В. Патрушева. М.: Политическая энциклопедия. 2016. 286 с.
 26. Миллер А. И. Нация, или могущество мифа. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. 146 с.
 27. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384с.
 28. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2013 год [электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2014/04/08/doklad-site-dok.html> (дата обращения 11.09.2017).
 29. Пашин С. А. Отечественный суд и государство. Государство. Общество. Управление: сборник статей / под ред. С. Никольского и М. Ходорковского. М.: Альпина Паблишер, 2013. 511 с.
 30. Ворожейкина Т., Гудков Л., Зоркая Н., Овакимян А. Мониторинг отношения российского населения к судебной реформе и судебной системе // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2017. №3–4 (118). С. 13–69.
 31. Каширских О. «Демократия начинается дома», или К вопросу о политической компетентности россиян // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2014. №3–4 (118). С. 70–79.
 32. Павлова Т. В. Конституирование политического: концепции и практики // Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 525 с.
 33. Фан И. Б. Политическое участие в России: исключение «под прикрытием» включения // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2013. Т. 13. вып. 1. С. 67–82.
 34. Капустин Б. Г. Гражданство и гражданское общество. М.: Издат. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики. 2011. 224с.
 35. Норд Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации

- письменной истории человечества. М.: Изд. Ин-та Гайдара. 2011. 480 с.
36. Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политическая наука. 2003. №2. С. 42–65.
 37. Андреев Д. А., Бордюгов Г. А. Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. Краткий курс. X–XXI вв. М.: АИРО-XX; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 160 с.
 38. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В. С. Мартыанова, Л. Г. Фишмана. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 334 с.
 39. Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. 2-е изд., доп. М.: Моск. обществ. науч. фонд. 2000. 318 с.
 40. Фисун А. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, полномочия // Отечественные записки. 2007. №6 (39). С. 8–28.
 41. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В. С. Мартыанова, Л. Г. Фишмана. М.: Политическая энциклопедия. 2016. 334 с.
 42. Мартыанов В. С. Российский политический порядок в рентно-сословной перспективе // Политические исследования. 2016. №4. С. 81–99.
 43. Кордонский С. Сословная структура постсоветской России. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение». 2008. 216 с.
 7. Somers M. R. Narrating and Naturalizing Civil Society and Citizenship Theory: The Place of Political Culture and the Public Sphere. *Sociol. Theory*. 1995. Vol. 13. №3. Pp. 229–274.
 8. Turner B. S. *Citizenship and Capitalism: the Debate over Reformism*. London: Allen and Unwin. 1986.
 9. Habermas Yu. Nationality and national identity. *Democracy. Reason. Morality: Moscow lectures and interview*. M of 1995. Pp. 211–213.
 10. Huntington C. Who are we? Calls of the American national identity. М.: LLC Tranzitkniga, 2004. 635 p.
 11. Hobsbaum E. The nations and nationalism after 1780 of SPb.: Aletya. 1998. 306 p.
 12. Hyuber J. D. Two views of the liberal democracy of a congruence of citizens and politicians // *Theory and practice of democracy: Izbr. texts / lane with English under the editorship of V. L. Inozemtsev, B. G. Kapustin*. М. 2006. Pp. 281–290.
 13. Mezhuyev B. V. Post-colonial transition and “transnationalization” of nationality // *Policy. Political researches*. 2004. №5. Pp. 19–27.
 14. Malinova O. Yu. Nationality and politicization of cultural distinctions. Reflections concerning some tendencies in English-speaking political philosophy// *Policy. Political researches*. 2004. №5. Pp. 7–17.
 15. Peregudov S. P. Multinational corporations on the way to corporate nationality// *the Policy. Political researches*. 2004. №3. Pp. 95–103.
 16. Kapustin B. G. *Nationality and civil society*. М.: State publishing house. Higher School of Economics. 2011. 224 p.
 17. Fang I. B. Theoretical model of a phenomenon of the citizen: sociocultural approach // *Policy. Political researches*. 2010. №6. Pp. 149–161.
 18. Bachinin V. A., Salnikov V. P. *Legal philosophy: Short dictionary*. SPb.: Fallow deer. 2000. Pp. 71–72.
 19. About citizenship of the Russian Federation: Federal law of May 31, 2002 №62-FL. Access from ref. – legal system «ConsultantPlus».
 20. *The Russian citizenship / under the editorship of Kikot V. Ya.* М.: Law and right. UNITY-DANA. 2003. 272 p.
 21. Sheynis V. L. The constitutional court in peripetias of the Russian history // *the Policy. Political researches*. 2016. №3. Pp. 73–91.
 22. Kondrashev A. A. Constitutional and legal responsibility of the highest officials of territorial subjects of the Russian Federation: constitutional and legal aspects and questions of realization in the legislation // *Jurisprudence*. 2012. №6. Pp. 92–105.
 23. Kondrashev A. A. Features of modern formation of political system of Russia in the context of the characteristic of a state regime // *the Constitutional and municipal right*. 2012. №5. Pp. 21–32.

References:

24. Levada Yu. Public opinion in a political world behind the looking-glass // the Messenger of public opinion: Data. Analysis. Discussions. 2006. №2 (82). Pp. 8–17.
25. Mass policy: the institutional bases / under the editorship of S. V. Patrushev. M.: Political encyclopedia. 2016. 286 p.
26. Miller A. I. Nation, or power of the myth. SPb.: Publishing house of the European university in St. Petersburg. 2016. 146 p.
27. Kryshchanovskaya O. Anatomy of the Russian elite. M.: Zakharov. 2005. 384 p.
28. The report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2013. 2014 // Russian newspaper. URL: <https://rg.ru/2014/04/08/doklad-site-dok.html> (date of reference 11.09.2017).
29. Pashin S. A. Domestic court and state. State. Society. Management: the collection of articles / under the editorship of S. Nikolsky and M. Khodorkovsky. M.: Alpina Publisher. 2013. 511 p.
30. Vorozheykina T., Beeps L., Sharp-sighted N., Ovaki-myan A. Monitoring of the relation of the Russian population to judicial reform and judicial system// Messenger of public opinion: Data. Analysis. Discussions. 201. №3–4 (118). Pp. 13–69.
31. Kashirskikh O. “Democracy begins at home”, or To a question of political competence of Russians // the Messenger of public opinion: Data. Analysis. Discussions. 2014. №3–4 (118). Pp. 70–79.
32. Pavlova T. V. Institutionalization of political: concepts and practitioners // Civil and political in the Russian public practitioners / under the editorship of S. V. Patrushev. M.: Russian political encyclopedia (ROSSPEN). 2013. 525 p.
33. Fang I. B. Political participation in Russia: an exception “under cover” inclusions // the Scientific year-book of Institute of philosophy and the right OIRO RAHN. 2013. T. 13. issue 1. Pp. 67–82.
34. Kapustin B. G. Nationality and civil society. M.: State publishing house. Higher School of Economics. 2011. 224 p.
35. North D., Wallace D., Vayngast B. Violence and social orders. A conceptual framework for interpretation of written history of mankind. M.: Prod. Ying-that of Gaidar. 2011. 480 p.
36. Карозерс Т. Конеты of a transit paradigm // Political science. 2003. №2. Pp. 42–65.
37. Andreyev D. A., Bordyugov G. A. Prostranstvo of the power from Vladimir Svyaty to Vladimir Putin. Short course. The 10–21st centuries M.: AIRO-HH; SPb.: Dmitry Bulanin. 2004. 160 p.
38. Russia in search of ideologies: transformation of valuable regulators of modern societies / under the editorship of V. S. Martyanov, L. G. Fishman. M.: Political encyclopedia. 2016. 334 p.
39. Afanasyev M. N. Clientelism and Russian statehood: A research the kliyentarnykh of the relations, their roles in evolution and decline of last forms of the Russian statehood, their influence on political institutes and activity of the dominating groups in modern Russia. 2nd prod., additional M.: Mosk. Societies of science fund. 2000. 318 p.
40. Fisun A. Post-Soviet neopatrimonial modes: genesis, features, powers // Domestic notes. 2007. №6 (39). Pp. 8–28.
41. Russia in search of ideologies: transformation of valuable regulators of modern societies / under the editorship of V. S. Martyanov, L. G. Fishman. M.: Political encyclopedia. 2016. 334 p.
42. Martyanov V. S. The Russian political order in rent and class prospect// the Policy. Political researches. 2016. №4. Pp. 81–99.
43. Kordonsky S. Class structure of Post-Soviet Russia. M.: Ying t of Public opinion Fund. 2008. 216 p.